

Б И Б Л И О Т Е К А

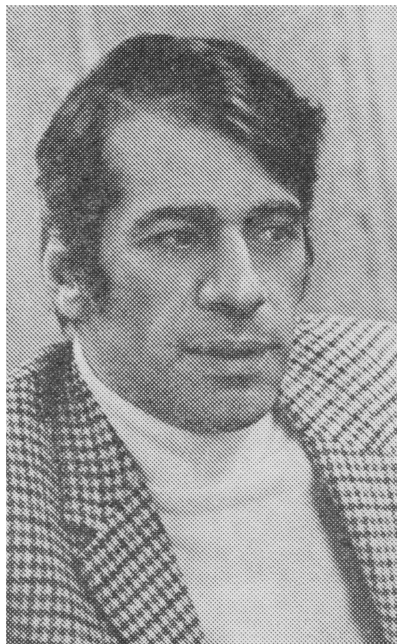
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 7

1980

Муш БСISУ

**СТИХИ
НА ОКОННОМ СТЕКЛЕ**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 7

Муин БСИСУ

СТИХИ
НА ОКОННОМ СТЕКЛЕ

*Переводы с арабского
Михаила КУРГАНЦЕВА*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1980

Муин БСИСУ

Известный современный арабский поэт Палестины Муин Бсису родился в 1928 году в городе Газа.

Он по праву считается одним из самых талантливых мастеров революционно-демократической арабской поэзии XX века. Широкую популярность поэту принесли книги стихов «Письма», «Распятая Иордания», «Палестина в сердце», «Деревья умирают стоя», «Я пришел, чтобы назвать твое имя», «Стихи на оконном стекле».

Интернационалист и патриот, бесстрашный борец за справедливые права своего народа, Муин Бсису активно участвует в движении писателей стран Азии и Африки. Он является заместителем главного редактора журнала «Лотос».

В Советском Союзе опубликованы две книги стихотворений Муина Бсису — «Родина в сердце» (1970) и «Визитная карточка» (1974) — в русском переводе поэта Михаила Курганцева. Многие стихи Муина Бсису печатались в журнале «Огонек». Поэту были дважды присуждены премии журнала.

КАТАПУЛТЫ

Родина! Родина!
Ты не со мною.
Лоб мой —
точильный камень:
мерно скользят ножи.
Слезы иссякли,
веки залеплены мглою.
И слова утешения
мне не нужны.
Бьют катапулты
каменьями
по ребрам,
по пальцам.
Бьют катапулты
каменьями
по строкам,
по рифмам.
Дом колыбели моей
на осколки распался.
Стал я
бездомным
сгорающим
метеоритом.
Бьют катапулты
каменьями
в сердце и почки.
Бьют катапулты
каменьями
в рифмы и строки.
Камни —
проклятые письма
дьявольской почты —
точно приходят,

без опозданий,
в сроки.
Бьют катапульти
по детству,
по апельсиновым кущам,
по щекам матерей
с непрочитанной
вязью морщин,
по глазам
наших девушек —
перепуганным,
ждушим,
по сутулым плечам,
по костлявым плечам
мужчин.
Бьют катапульти.
В цель попадают
камни.
Бьют катапульти
с древних времен,
веками.
Бьют катапульти.
Бьют.
И все же
я жив,
и гневная песня
в жилах моих
бежит!

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Купили ее на рынке рабов,
внесли на носилках
в шатер Александра,
погрузили в роскошную ванну
из молока газели и львицы.
Умастили ее благовонным маслом,
окропили духами
и повели
к Александру на ложе
под кудахтанье труб.

Александру она
оказалась по вкусу,

и он забавлялся с ней до утра,
а наутро, пресытившись,
отдал ее королю.
Королю она
оказалась по вкусу,
и он забавлялся с ней до утра,
а наутро, пресытившись,
отдал ее царедворцу.
Царедворец — вассалу,
вассал — своей челяди...
И не успела луна округлиться,
как стала рабыня бокалом,
из которого пьют
короли, челядинцы,
вельможи, солдаты —
кому не лень...

Радуга
этой зимой
не озарит наше небо.
Где же ты,
алый цвет?
Где голубой и зеленый,
оливковый цвет и лимонный?
Только свинец и смола,
паутина и грязь...
Рынок рабов...
А у Шахразады
в нашей стране
отрезаны косы
и вырван язык.
А то бы она рассказала,
как ее принесли,
словно мяса кусок,
в шатер Александра,
потом — королю,
а потом — царедворцу,
от постели к постели,
к начальнику стражи,
которому вскоре она надоела,
и он пустил ее
щедро по кругу —
от солдата к солдату,
от солдата к солдату,
от солдата к солдату...

ЗАСЕДАНИЕ

Все рупоры твердят одно и то же.
Наушники приклеены к ушам.
Слова бегут мурашками по коже,
и каждый рот, запекшийся, как шрам,
дымится. И пожарники от дрожи
избавиться не могут. А кругом
многоязыкий зал бесстыдно весел.
Эй, главари над жирным пирогом,
вам аплодируют сиденья кресел!

МУМИЯ

Фараон достойно спит в саркофаге,
а под ним
на каменных стенах
нарисовал отличный художник
плоды фараоновых побед:
газель
с обломанными рогами,
чайку
с выщипанным опереньем,
безъязыкого соловья...
Красавицы грудь
в паучьих лапах.
Рабы
и бамбуковые розги.
Весы
и отрубленные руки...

Фараон от подвигов устал
и теперь
достойно спит в саркофаге.

НУКРАТ САЛЬМАН¹

Я тебя не увижу.
Встреча не состоится.
Отменены все рейсы.
Все пути перекрыты.

¹ Нукрат Сальман — концлагерь в королевском Ираке. Стихи написаны до Иракской революции 1958 года.

Свободны только дороги
в тюрьму и в могилу.
Ты меня не услышишь.
Радио и парламент,
печатный станок и нивы,
минареты, заводы —
у тех, кто заткнул мне глотку
и отнял силу.
Писем ты не получишь.
Нет ни чернил, ни марок.
Здесь посылают пули
одну за другой, до срока.
Здесь ничего не боятся,
кроме взглядов и песен.
Будешь по карте блуждать,
в протоколах рыться,
искать мое имя.
Поздно. Пустое дело.
На карте — одни столицы.
Адрес мой неизвестен.
Я тебя не увижу.
Снега потекут по склонам.
Тигр и Евфрат разольются.
Две реки. Есть и третья.
Третья река Ирака.
На карте о ней — ни слова.
Она течет от бараков
Нукрат Сальмана.
Виселицы — паруса.
Тюрьмы — притоки.
Отсюда зываю к братьям
снова и снова.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО

Вот и поэт
окунул перо
в чернильницу самого Султана.
Увяло перо,
и умер поэт...
Медную мелочь
нашли у него под подушкой
и письмо:
«Султан,

я съел свой язык,
удачные строки все позабыл.
Клянусь твоими гончими псами,
засовами на твоих воротах,
жеребцами твоих конюшен,
ржущими в рифму,
я никогда не писал, что ты —
пьяница, пляшущий без штанов,
что только среди шутов и шлюх
ты себя чувствуешь
славным и мудрым.
Пусть глаза мои
вытекут в кормушку,
где прет овес твоего коня,
если я хоть раз
оскорбил стихом
твоего вдохновенного
лизоблюда...»

БАРАБАН

Исчезла земля —
негде ставить шатер.
Нет мечей для боя,
мельниц — для хлеба,
голубятен — для мира.
Остался лишь барабан.
«Завещаю вам, —
начальник сказал, —
барабан,
барабан
и опять барабан.
Тысячу раз завещаю вам барабан!
Если он не будет греметь
день и ночь напролет,
онемеют ваши сердца
и погибнете все как один!»

Принялись они
палками бить в барабан —
сломались палки.
Стали
ладонями бить в барабан —
стерлись ладони.

Стали они
колотить в барабан
головами.
Колотили долго,
беззаветно и смело.
Наконец-то головы
пригодились для дела.
В бой,
барабан!
Головой —
в барабан!
Бом!
Барабам!
Лбом —
в барабан!
Окаменели лбы!
Но они —
верны завещанью —
продолжают лбами
долбить барабан.
Бам-ба-ра-бам!
Бам-ба-ра-бам!
Бам-ба-ра-бам!

ЧЕРНИЛЬНИЦА

На кораблях,
лежащих в доках,
на бороздящих океаны, —
езде
развешаны приказы,
езде
расклеены фирманы.
И многоцветные чернила
увековечивают фразы.
Везде
расклеены фирманы,
езде
развешаны приказы.
О, директивы,
указанья,
распоряженья
и запреты
для облаков

и для созвездий,
для четырех
ветров планеты!
Для капитанов
и матросов,
для мудрецов
и дураков
отныне
черные чернила
нужнее
белых облаков.
Бумага важная
с печатью
укажет
самый верный путь.
Теперь чернильница
сложнее,
чем человеческая
суть.
Теперь чернильница
в почете—
блестит
начищенная медь,
и только перьям,
а не мачтам
теперь положено
скрипеть.
На рыбьих спинах,
на ракушках,
на осьминогах
и кораллах—
езде следы
чернильных пятен,
и фиолетовых
и алых.
И паруса
висят, как тряпки,
и приуныли капитаны.
Везде
развешаны приказы.
Везде
расклеены фирманы.
И вся
поверхность океана,
и глубина,

и даже дно
покрыты
белыми листами:
«Запрещено!
Запрещено!»

КОРОЛЬ УМЕР

Умер король
с пистолетом в руке,
умер король
с ножом в боку.
Умер прилично,
по-королевски.
Испустил дух
боевой петух.
Ну-ка, ребята,
снимем каски,
нальем туда
чего-нибудь крепкого —
выпьем
за мертвого короля.
Да будет пухом
ему земля!

Кто там,
как бешеный,
бьет в ворота?
Рвет рубаху
свою на груди?
Кричит и божится,
что он — король?
Позволь?
Значит, ты жив?
И все — вранье:
эпитафии,
плачи,
надгробные речи,
памятник
на твоей могиле,
тома исторических разысканий,
где подводится славный итог
изумительного правленья?

Сотня поэтов
уже поет
траурные хвалебные оды.
Тысяча шлюх —
весьма аппетитных —
ночами оплакивает тебя.
А ты, выходит,
жив
и не умер?

«Да, я живой.
Подавитесь вы все
своей трепотней,
надгробьями,
плачем,
историческими томами.
Я — живой!
И я — ваш король!
Я удрал,
затаился,
струсил.
Но я живой!
И я — ваш король!»

Нет, извини,
так не пойдет.
Ты умереть,
наш любезный,
должен.
Выходит,
мы все затеяли зря.
А наша история,
наша слава,
наше достоинство,
наша честь?
Нет, извини,
хочешь не хочешь,
придется,
дружочек,
тебе умереть.

ИЗ ДНЕВНИКА ТЕАТРАЛЬНОГО СУФЛЕРА

ПОНЕДЕЛЬНИК

Занавес поднят.
Актеры и зрители смешаны в кучу.
Герой затерялся куда-то.
Украли его одежду,
между собой поделили.
Тот, кому достались штаны,
кричит: «Я — герой!»
Тот, кто пуговицу оторвал,
кричит: «Я — герой!»
А тот, кто сумел утащить
цветные трико и ботфорты,
тоже кричит: «Я — герой!»
Где же герой?
Кому я суфлировать буду?
Занавес не опустился,
висит над моей головой,
как дамоклов меч.
И когда он опустится,
мне неизвестно.

ВТОРНИК

Отелло прошел мимо будки
и мне прокричал:
«Берегись Дездемоны —
она тебя ночью задушит!»
И вот из театра в театр
тащу на плечах
свою ревность,
завел себе хобби —
каждый вечер шепчу:
«Задуши Дездемону!»

СРЕДА

Марианна Пинеда¹,
всю жизнь я мечтал,
чтобы вулканы запели

¹ Марианна Пинеда — героиня одноименной драмы Федерико Гарсиа Лорки.

горячую песню,
землетрясение родило розы,
а ураган меня сделал героем.
Жизнь прошла.
Было все:
извержения,
землетрясения,
смерчи,
но без песен,
без подвигов
и без цветов.
Умер я, Марианна Пинеда,
и не о чем врать
у моей могилы.

ЧЕТВЕРГ

Синдбад-мореход?
Но ведь мне-то известно:
он боится дождя
и дрожит, когда ветер крепчает,
и падает в обморок
от ударов грома.
Поверьте мне,
уж я его знаю!
Его океан — подоконник,
пристань — истертый диван,
а острова —
просто пятна на старых обоях.
Ах, как нам нужен Корабль,
чтоб казаться себе моряками
и говорить:
«Было время!
У нас на ладонях плескались моря,
и в плаванье нас водил
Синдбад-мореход!»

ПЯТНИЦА

Каждый вечер
он играл героя,
и вы его забрасывали цветами.
И, теснясь у сцены,
были готовы
обезглавить его убийцу.

А когда уходили все из зала
и вечер заглывал ваши тени,
он поднимался
и цветы
отпихивал в сторону, как хлам,
сдирал окровавленную одежду,
швырял ее в шкаф своего убийцы,
и оба шли пьянствовать до утра.
А вы где-то там
у себя на задворках —
красные кроличьи глаза,
глотки, сорванные криком,
ладони, опухшие от овец, —
утром проснетесь,
и — на службу,
а вечером купите снова билет
и с охапкой цветов
пойдете в театр.

СУББОТА

Она играла дуэнью Сеньоры
и, когда заканчивался спектакль,
приходила ко мне в мансарду.
Все было просто.
Мы пили вино,
любили друг друга
на старой кровати.
Но как-то однажды ей повезло —
она получила роль Сеньоры.
И тотчас
разлюбила меня
вместе с мансардой,
вином и кроватью.
Ушла.
Наверно, любит Сеньора...

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Герой запнулся...
Умоляет, шепчет:
«Подскажи!»
Я молчу.

Надоело.
Хватит!
Двадцать лет я подсказывал
всякую чушь,
и собственный шепот
мне опротивел.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Прогнали...

НОЧНАЯ РЕКА

Река из колец и перстней,
река отрубленных пальцев,
выколотых очей.

На небе луна дымится,
словно грудь молодая,
отрезанная ножом.

Поэты стоят, и смотрят,
и ждут — народ терпеливый! —
когда спуют соловьи.

Садись на коня живее,
упрячь свое сердце в торбу.
Заткнулся наш соловей!

Молчит. Задешево куплен.
Тебе остается перстень —
на память — из той реки.

Возьми перстенок, цыганка.
Наври от самого сердца.
Придумай завтрашний день,

Тебе подарю сережки,
и зеркальце, и поэму,
и полный крови гранат.

А ты мне сулишь дорогу...
Звенят и дрожат браслеты
на смуглых твоих ногах.

Куда я пойду? Сегодня,
наверно, уж поздно. Завтра?
До завтра нужно дожить.

Ножом висит полумесяц
над горлом. А полнолуние —
не что иное, как смерть.

И розы горят, как свечи,
и все зеркала разбиты.
Мертвеют мои глаза.

Присядь к очагу, цыганка.
Река отрубленных пальцев
плывет сквозь тебя всю ночь.

Раскрой мертвецам ладони,
гадай, нагадай им счастье,
любовь и долгую жизнь.

Не надо. Закрой им лица
кленовым листом. Зеленым.
Молчи. Не пророчь. Не плачь.

Затихли рыбешки. Море
их выбросило на берег.
Подергались — и конец.

Что будет? Цветы над гробом.
Глаза покраснеют, плечи
закутаны будут в креп.

Где перстень мой? Продан, брошен,
лежит под чужой подушкой,
блестит на чужой руке.

Уносит меня, уносит
река отрубленных пальцев,
выколотых очей...

ТЮРЕМНЫЕ СТИХИ

I

НА ЗАРЕ

Я продержусь,
я продержусь,
пока на стене
в одиночной камере
есть неисписанный уголок,
пока пуговица от рубашки,
что заменяет мне карандаш,
не стерлась вконец.
Кто-то стучится в стену —
тюремная телеграмма.
Пульсируют
артерии стен —
вся наша кровь уходит в них.

II

В ПОЛДЕНЬ

Подали мне карандаш и бумагу —
сунули в руку
ключи от дома.
Бумага
зашуршала: — Держись!
Карандаш
проскрипел: — Держись!
Ключ от дома звякнул:
— Помни!
Помни
нашу с тобой лачугу: —
Держись!
Телеграмма сквозь стену прошла,
посланная перебитой рукой,
простучала: — Держись!
Дождь,
бегущий по крыше карцера,
каждой каплей
кричит: — Держись!

III

ПОСЛЕ ЗАХОДА СОЛНЦА

Нет никого,
никто не слышит,
не видит этого человека.
Но каждую ночь, когда стены смолкают
и двери становятся тяжелее,
он выходит на свет
из раны моей.
Ходит по камере, взад-вперед,
Он — это я.
Почти что я.
Иногда он приходит сюда ребенком,
иногда — восемнадцатилетним парнем.
Он — надежда моя,
мой воздух,
мое еженощное письмо
миру всему и родной земле.
Этой ночью
он вновь явился,
вышел из раны,
из самого сердца.
Ходил по камере —
и ни слова.
Но я услышал:
«Держись!
Молчи!
Сдашься —
мы не увидимся больше!»

ОТКРЫТКА ПУШКИНУ

Не живи при дворе в наш век,
когда кролик хромой открывает бег
верхом на покорном слоне,
когда фениксы за решеткой сидят,
когда, извиваясь, гадюки сипят,
слагая стихи о весне.
Захочет вызвать тебя на дуэль
плешивый лакей эмира,
и вцепятся все подонки мира
в тебя — желанную цель.

А скот, молчалив и упитан,
жует поэзию, как фураж.
Вулкан пылающий, что ты дашь
мертвым каменным плитам?

Я ВСЕ ЖДУ

Кто купит лебединое крыло?
Стихи?
Венок?
Разбитый барабан?
Не холодно у вас
и не тепло.
Вам все равно,
жиреющим рабам.
Но я все жду.
Найдутся смельчаки —
придут и выбьют пыль
из ваших слов,
придут
и вырвут с мясом языки
у изолгавшихся колоколов!

ДУМЫ В САМАРКАНДЕ

Что тебе подарить,
не знаю...
Я ничем
не владею,
право.
Все богатство мое
со мною —
руки, голос,
глаза и сердце.

Жизнь —
младенец.
Он спит в утробе.
От любви
он растет
и дышит.
Бьют дожди,
набухают почки,

и птенцы скорлупу ломают.
Ночь проходит.
Лепечут розы.
Словно призраки,
стынут камни
и охраной стоят
бессонно
под окном
у моей любимой.
Я приду к тебе.
Я веревку
сотворю
из вен и артерий.
Мои руки
лестницей станут,
чтобы ты
снизошла на землю.
Я не фокусник,
не кудесник.
Никаких чудес
я не знаю.
Есть одно лишь на свете
чудо —
я нашел тебя здесь
навек.
Здесь, под кронами Самарканда,
где Тимур
был когда-то богом,
где ему
служили исправно
оба вместе —
ангел и дьявол, —
я стою.
Для меня нет бога,
нет эмира и господина,
все тираны земли и неба
надо мной
не имеют власти.
Только ты
моим сердцем
правишь.
Твои косы —
черные реки,
твои губы —
извивы молний,

твои очи —
бездонней неба.
Нет ни звезд,
ни свечей,
ни солнца —
ты одна
горишь во вселенной.
Поцелуй меня,
Сохнут губы.
Перехватывает дыхание.
Поцелуй меня.
В сердце.
Крепче!
Бей, как молния!
Нет спасенья.
Я стою,
умереть готовый.
Гибну,
заново воскресаю.

Я люблю тебя.
Отвергаю
все посулы
и все награды.
Хлеб мне горек,
и мед не сладок,
и вино — что вода гнилая.
Поцелуй меня.
Ослепленный,
под ударами молний
гибну.
Поцелуй меня.
Вновь рождаюсь,
просыпаюсь
в потоке света.
Неужели наступит время —
поцелуй
назовут болезнью,
назовут стихи
беззаконьем,
и позором —
наши объятья?
Соловьи
поют в Самарканде...
Неужели

Тимур проснется
и пойдет
в сапогах бесшумно
соловьям
сворачивать шею?

Нет,
он — камень,
холодный,
мертвый.
Не ожить ему,
не подняться.
И луна не зайдет,
и звезды
не умрут.
Соловьи
не смолкнут.
Нет,
он — камень,
иссохший,
черный.
Что осталось
от властелина?
Только
сумеречные страхи,
пыль и глина,
песок и мусор...

Поцелуй меня.
В сердце.
Крепче!
Бей, как молния!
Нет спасенья!
Я стою,
умереть готовый.
Гибну,
заново воскресаю...

ГЛАЗА МАРОККАНКИ ЭЛЬЗЫ

Я писал о тебе,
и о том,
что обуглено сердце мое —
птица, слетевшая

на оголенный провод,
и о том,
что рыданье
мою обжигает гортань,
и о том, что стихи —
это конспиративные шифры,
а я, безымянный связной,
передаю всем людям
срочный пакет.
Я писал,
и усталое тело твое
застывало на дне
недопитой бутылки.
Я писал, и стихи
качались на мутной волне,
как спасательный плот,
и я дрался каждой строкой
за тебя
против мертвых небес
и постылых цветов,
чтоб увести твою душу
прочь от бесплодья и небытия.
Дрался я,
одиноким,
слепой,
безоружный.
Я вошел в твою кровь,
искалеченная газель,
побежал, задыхаясь,
по тропам — по розовым венам.
А вокруг суетились Они,
сновали, как муравьи
на бедре мертвой женщины,
и жужжали, как мухи:
«Открыт новый бар!
Создан особый коктейль!»
А я в это время
плыл в твоих венах,
тонул в багряной реке,
погружался
в водовороты зрачков,
падал на дно
твоего молчаливого сердца,
опускался в трясины
робко стиснутых рук...

Бог смотрел на меня
в эту ночь.
И ангелы неба
запросто сели со мной
за шахматный стол.
Ты, любимая,
даришь мне все —
и удачу, и выигрыш,
и улов, и добычу,
и звон водопада,
и тока удар —
от прикосновенья к тебе.
И вращается небо
вокруг моих глаз,
Млечный Путь
рассекает меня пополам,
и, подпрыгивая,
пляшет гром,
и свеча, запылав,
обжигает мне веки,
и звезда
белым жалом
впивается в грудь,
и перехвачено горло мое
пальцами лунных лучей...

Воробей прилетел,
и накрыли его
стаканом.

Попался!
Дрожит,
спотыкается,
бьется о стенки
крыльями,
клювом,
когтями.
Как я...

В стеклянной тюрьме
кончается жизнь.

ЧЕЛОВЕК, ГОВОРИВШИЙ «ДА»

Он говорил: «да».
Всегда.
Поддавать
вместе, по маленькой? Да.
Поддаваться,
поддакивать? Да.
То в сахар, то в соль
язык обмакивать? Да.
Не ведать
ни зла, ни добра?
Скопом, со всеми, в поту
горланить: «Ура»?
Плестись в никуда?
Да.

Он говорил только: «да».
Все его знали.
А он ничего не знал —
ни совести,
ни стыда.
Жил превосходно —
без радости и без печали.
Всегда повторял
одно только слово: «да».

Как-то раз
он случайно промолвил: «нет».
Шепотом, из под подушки,
во тьме, в духоте ночной,
рядом с беременной спящей женой.
Были закрыты окна,
погашен свет.

Но маленький сыщик,
дремавший во чреве жены
спокойненько,
мог его выдать.
Маленький кактус
на подоконнике
мог его выдать.
Каменный лес за окном
и даже собственный дом
мог его выдать.

Человек,
говоривший одно только слово: «да»,
нечаянно
вымолвил: «нет».
И куда-то исчез навсегда,
и пропал его след.

БОГ И ПОЭТЫ

Голова твоего отца
прибита к стене —
на нее опускается ворон.
Голова твоего отца
упала, как яблоко, в грязь
под копыта чужих лошадей.

А ты
сидишь за столом с подлецами,
бормочешь блаженно:
— Сегодня мой день,
завтра тоже мой день.
Сегодня — выпивка.
Завтра — похмелье...

Если Он завтра
на землю с креста сойдет
и посмотрит вокруг,
Он от тебя отречется,
а может, сгорит со стыда,
а может, во гневе
покарает подонка...
Всего вероятней
он плюнет тебе в лицо.

Эх вы, поэты!
Одни умирали,
спасая Штык государства,
другие — оберегая
государственный Барабан,
Третьи — попросту лежа
под государственным Сапогом.
А четвертые тоже помрут —
ради чего?

Страна, что была твоей родиной,
стала торговой фирмой.
Умирает винтовка,
утратив мишень.

Я написал на облаке:
«Хватит. Долой цензуру!» —
и в ту же минуту были
конфискованы небеса.

ПТИЦЫ ИЗГНАНИЯ

Наконец
самолет приземлился.
Каир возникает
словно пронзительный крик
птицы.
И эта безумная птица
с клювом, распяленным в крике,
с костями и кровью,
отравленными пустотой,
с клеймами виз
на изжеванных перьях —
я. Это я.
О, как хочется жить,
а моя страна
проглочена заживо
ненасытным китом!

Чемоданы стоят у дверей,
словно стая волков.
А вокруг — пауки.
И торговцы рабами.
И долгая ночь
наступила для всех поэтов.
Одних выгоняют в шею
вон из родимой страны,
других покупают задешево, оптом,
а третьих
ловят
и добивают в темном углу.

Скитаюсь годами...
Дайте бутылку вина,

и постель,
и немного покоя,
и немного свободы,
иначе свихнусь.

Нет у вас бога.
И разума нет.
И знамен.
Есть у вас только ножи
и луженые глотки.
В этой стране
нет героев,
и женщины их не рожают,
и барабаны не бьют
в честь рожденья детей.
Слышишь,
разносится грохот.
Не слушай.
Видишь,
проходит убийца.
Не удивляйся.
День, словно фляга,
наполненная снятым молоком.
И остаются голодными
наши дети.

БЕЙРУТ ПОЗАДИ

Счастлив поэт в аэропорту.
Счастлив читатель в аэропорту.
Был безопасен путь сюда
к трапу, где стоит самолет
иностранный.
И все — о'кэй.
И только мешок с песком
один
напоминает — это Бейрут.
Бейрут
не гибнет и не живет,
читает газетную статью:
справа — убитый,
слева — мертвец.
Газета читается — жизнь идет.

Счастлив поэт,
доволен читатель —
скоро отправится самолет.
А этот жалкий мешок с песком
не будет мозолить глаза.
И однако Бейрут живет
и умирает
в своих стенах.

Горький город.
Пули. Хлеб.
Вино. Развалины. Облака.
Лодка, гниющая на мели.
Запястья в наручниках.
Интервал
между трупами. И мишень.
Изрешеченная доска.
Афиша, исхлестанная дождем.
Длинные пальцы твои дрожат
над клавишами ночей и дней.
И птица весенняя парит
над руинами.
Взрывы бомб.
Газету печатает кровь. И боль.
Газету читает ночь. И смерть.
Тем временем в аэропорту
читатель доволен, счастлив поэт.
И стюардесса раздает
посадочные талоны. Ура!

Тысяча метров.
Бейрут позади.
Как хорошо!
Бейрут позади.
Можно газету почитать.
В Бейруте налаживается жизнь.
Как приятно!
И все — о'кэй.
Довольны все.
Бейрут позади...

СОДЕРЖАНИЕ

Катапульты	3
Александр Македонский	4
Заседание	6
Мумия	6
Нукрат Сальман	6
Предсмертное письмо	7
Барабан	8
Чернильница	9
Король умер	11
Из дневника театрального суфлера	13
Ночная река	16
Тюремные стихи	18
Открытка Пушкину	19
Я все жду	20
Думы в Самарканде	20
Глаза марокканки Эльзы	23
Человек, говоривший «да»	26
Бог и поэты	27
Птицы изгнания	28
Бейрут позади	29

Муин Бсису
СТИХИ НА ОКОННОМ СТЕКЛЕ

Редактор **Е. А. Антошкин.**

Технический редактор **З. П. Кузнецова.**

Сдано в набор 25.12.79.

Подписано к печати 11.03.80. А 00335.

Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Новогазетная». Офсетная печать.

Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,72.

Тираж 100 000 экз. Изд. № 800. Зак. № 1896.

Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

1. НОМЕРА И ДАТЫ ТИРАЖЕЙ «СПОРТЛОТО» — 1980 г.

1 тираж — 5 января	27 тираж — 5 июля
2 тираж — 12 января	28 тираж — 12 июля
3 тираж — 19 января	29 тираж — 19 июля
4 тираж — 26 января	30 тираж — 26 июля
5 тираж — 2 февраля	31 тираж — 2 августа
6 тираж — 9 февраля	32 тираж — 9 августа
7 тираж — 16 февраля	33 тираж — 16 августа
8 тираж — 23 февраля	34 тираж — 23 августа
9 тираж — 1 марта	35 тираж — 30 августа
10 тираж — 8 марта	36 тираж — 6 сентября
11 тираж — 15 марта	37 тираж — 13 сентября
12 тираж — 22 марта	38 тираж — 20 сентября
13 тираж — 29 марта	39 тираж — 27 сентября
14 тираж — 5 апреля	40 тираж — 4 октября
15 тираж — 12 апреля	41 тираж — 11 октября
16 тираж — 19 апреля	42 тираж — 18 октября
17 тираж — 26 апреля	43 тираж — 25 октября
18 тираж — 3 мая	44 тираж — 1 ноября
19 тираж — 10 мая	45 тираж — 8 ноября
20 тираж — 17 мая	46 тираж — 15 ноября
21 тираж — 24 мая	47 тираж — 22 ноября
22 тираж — 31 мая	48 тираж — 29 ноября
23 тираж — 7 июня	49 тираж — 6 декабря
24 тираж — 14 июня	50 тираж — 13 декабря
25 тираж — 21 июня	51 тираж — 20 декабря
26 тираж — 28 июня	52 тираж — 27 декабря

Главное управление
спортивных лотерей

